

ЕЩЁ РАЗ ОБ АВТОРСТВЕ СКАЗКИ «КОНЁК-ГОРБУНОК»

Сказка П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» впервые предстала перед российской читательской аудиторией в 1834 году: сначала в начале мая в журнале «Библиотека для чтения» — частично (первая часть и начало второй)¹, а затем в сентябре того же года — отдельной книгой².

Сказка была встречена восторженно; её успех можно отчасти сравнить с успехом молодого Пушкина. Правда, был и отрицательный отклик — со стороны Белинского³, однако он появился позже сугубо хвалебных — спустя несколько месяцев после выхода книги. Характерно одно свидетельство, принадлежащее А.М. Языкову, брату поэта, навестившему Пушкина в Болдине 26 сентября 1834 года. Рассказывая в письме к В.Д. Комовскому об этом визите, Языков пишет, что Пушкин показывал ему «нѣсколько сказокъ въ родѣ Ершова»⁴. Вспомним, что ещё до появления «Конька-Горбунка» Пушкин опубликовал две свои сказки — «Сказку о царе Салтане» и «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях»: первая вышла за два года, а вторая — за три месяца до публикации «Конька» в «Библиотеке для чтения». При этом Языков, ещё не зная полного текста «Конька», всё же связывает сказки Пушкина с Ершовым — а не наоборот! — тем самым отдавая «сказочный» приоритет Ершову⁵. Это говорит о том, насколько популярен в русском читающем обществе был тогда «Конёк-Горбунок».

Зависимость «Конька» от упомянутых двух сказок Пушкина была очевидна для многих: четырёхстопный хорей с парной рифмовкой; связь с фольклором; изображение царского дома (царь, царица или царевна); упоминания таких реалий сказок Пушкина, как царь Салтан (в

¹ *Ершов П.* Конёк-Горбунок. Русская сказка // Библиотека для чтения. 1834. Т. 3. № 2. С. 214—234.

² *Конёк-Горбунок.* Русская Сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санктпетербург : в Типографии Х. Гинце. 1834.

³ *Белинский В.Г.* <Рец. на кн.> Конек-Горбунок. Русская Сказка. Сочинение П. Ершова. В III частях. Санкт-Петербург : в Типографии Х. Гинце, 1834 // *Молва.* 1835. № 9. Стб. 143—145.

⁴ *Садовников Д.* Отзывы современников о Пушкине (к материалам для его биографии) // *Исторический вестник.* 1883. Т. 14. Декабрь. С. 539.

⁵ «Не Пушкин воспринимается законным «начинателем» «этого рода сочинений» — а Ершов!» (*Кошелев В.А.* Феномен Петра Ершова // *Ершовский сборник.* Вып. 6. Ишим, 2010. С. 17).

первой части); остров Буян, где в лесу стоит гроб с мёртвой девицей (в присказке ко второй части); море-океан и океанские пейзажи; одушеверяемые небесные светила — Месяц и Солнце. Встречаются переключки отдельных строк. Можно предположить, однако, что некоторые читатели заметили и существенные отличия «Конька-Горбунка» от сказок Пушкина:

- Сказовый стиль, наличие явного рассказчика. «Натуралистическая манера сказа» — по характеристике П.Я. Черных¹.

- Существенно больший удельный вес просторечия и диалектизмов (например, *сухотка, доселева, ражный, баясы*). Это так называемые «семантические архаизмы», большое число которых принадлежит к «простонародной, просторечной и диалектной лексике»; их число увеличилось в четвёртом издании (СПб., 1856): *нешто, ажно, зельно, суседка, ражный* и прочие².

- Большая реалистичность и более тесная связь с крестьянским бытом. «Литературная сказка, созданная автором-сибиряком, отражает реалии Сибири, её своеобразную культуру в XIX веке, ментальность и язык людей этого края. <...> Знание быта Западной Сибири, жизни её сословий, особенно прииртышского крестьянства, обусловило появление в сказке бытовых сцен, её реалистических элементов, а близкое знакомство с чиновничьей средой, творящей произвол в сибирской глубинке, — впечатляющие сатирические образы российской государственности. Речь сказки вбирает, по наблюдениям языковедов, речь этой сибирской глубинки (разговорное просторечие, «старинные сибирские слова», говоры, речевые клише в обращении)»³.

- Меньший лиризм повествования. «...Есть и то, что отличает сказочника Ершова от сказочника Пушкина. ...Это — словесный мир сказки, тип организации сказочного повествования. Стиль пушкинских

¹ Черных П.Я. Заметки о языке «Конька-Горбунка» П.П. Ершова // Ершовский сборник. Вып. 3. Ишим, 2006. С. 125. Републикация по изданию: Новая Сибирь. № 11. Иркутск, 1935. С. 136—142. Ср. также: «Для Ершова-сказочника в гораздо большей степени, чем для Пушкина, характерна сказовая манера письма, имитация устного исполнения» (Лупанова И.П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск, 1959. С. 262).

² См.: Выхристюк М.С. Семантическая характеристика архаизмов в сказке П.П. Ершова «Конёк-горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. Ишим; Тобольск, 2005. С. 108—111.

³ Евсеев В.Н. 170 лет читаем «Конька-горбунка» // Ершовский сборник. Вып. 2. Ишим; Тобольск, 2005. С. 22—23.

сказок при всей своей демократичности высоко поэтичен, в них нет нарочито неправильных конструкций, элементы просторечия встречаются довольно редко, а диалектизмы или малоупотребительные слова практически отсутствуют. Слово в сказках Пушкина семантически ёмко, но при этом в большинстве случаев стилистически нейтрально. Ершов же передоверяет повествование о сказочных событиях условному рассказчику, который то и дело напоминает читателю о своём присутствии»¹.

Если же взглянуть на фактуру стиха, тогда между сказками Пушкина и «Коньком» можно увидеть различия не менее существенные. Особенно явно проявляются они в рифмовке: в первом издании «Конька-Горбунка» обнаруживаются 23 «резко неточные» рифмы: *морозь ~ промёрзъ, Двору ~ Царю, хвалить ~ погладить, пучокъ ~ шёлкъ, подползь ~ хвостъ, опочивальни ~ ставни, смѣхомъ ~ потѣху, книжку ~ слишкомъ, поимки ~ ширинки, копытомъ ~ сердито, несравненна ~ Царевна, идти ~ подожди, потомъ ~ поклонъ, вѣтеръ ~ вечеръ, киту ~ копытомъ, милосердный ~ бѣдный, служебнымъ ~ молебны, морю ~ раздолью, сундучекъ ~ полкъ, смѣлость ~ захотѣлось, должно ~ можно ль, махну ~ макну, махнулъ ~ макнулъ*.

Любопытно, что в семи случаях «резко неточных» рифм Ершов в четвёртом издании от них избавился, изменив текст первого так, что рифма стала точной. Ср. данные А.И. Кушнира: «203 рифмы были переработаны Ершовым в варианте 1856 года <...> Таким образом, изменения коснулись 406 стихов, что составляет 18% от общего числа рифм первой цензурной редакции (т. е. 18% старых рифм были изменены). <...> Особый интерес представляют частичные замены бедной рифмы на богатую»².

Между тем в четырёх рифмованных сказках Пушкина имеются только две «резко неточные» рифмы такого рода (*полбы ~ полный* и *морщить ~ корчить* в «Сказке о попе и о работнике его Балде»).

Если же понятие неточности рифмовки расширить за счёт приблизительных рифм, тогда рифменная свобода в первом книжном издании (1834) становится ещё более явной. А.И. Кушнир приводит следующий результат подсчётов: «Неточных рифм в первой цензурной редакции сказки 125, что составляет около 11% от общего числа рифм»³.

¹ *Сурат И.З.* Словесный мир сказки // Русская речь. 1984. № 4. С. 3—4.

² *Кушнир А.И.* Стих П.П. Ершова. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Тюмень, 2008. С. 9.

³ Там же.

В стихах Ершова первой половины 1830-х годов — исключая «Конька-Горбунка» — я насчитал 14 «резко неточных» рифм: *атаман ~ рядам, ненаглядный ~ перекатный, ус ~ уст, небес ~ звезд, <перед> ними ~ пустыни, болезнь ~ здесь, случилось ~ милость, сыщу ~ притчу, пути ~ груди, высь ~ жизнь, чертог ~ восторг, слезы ~ еси, дышит ~ подвигнет, послушны ~ малодушных, грозы ~ красы.*

Из них шесть рифм встречаются в балладе «Сибирский казак» (сре-ди её 258 рифм), написанной в том же 1834 году, когда вышла в свет сказка, а опубликованной в следующем, 1835-м¹; три рифмы в этой балладе — палатальные: *спешит ~ вступить, спешит ~ спросить, лежит ~ спросить.* Можно отметить между «Коньком-горбунком» в его первом книжном издании (1834) и «Сибирским казаком» следующие лексиче-ские параллели (в квадратных скобках указаны номера соответствую-щих страниц в соответствующих изданиях): (1) «Отъ того-то по три ночи / Не показываль я очи;» [92] ~ «Вотъ ужъ по-три я слышу то ночи.» [13]; (2) в «Коньке-горбунке» часто употребляется локативное наречие *туть* во временном значении ~ «И съ сердечной тоской / Тутъ казакъ молодой / Молодую жену обнимаеть.» [16]; (3) «Вотъ недѣлей черезъ пять / Началь Спальникъ примѣчать...» [42] ~ «И недѣль черезъ пять / Ворочусь я опять / Да с добычей къ тебѣ боевою» [16]. Разительное сходство обнаруживается также между «Коньком-Горбунком» 1834 года и стихотворным драматургическим опытом Ершова, относящимся к 1833 году, — «Сцена в лагере»: четырёхстопный хорей, бодрый задор-ный тон, просторечная лексика, выражение «не ударить в грязь лицом»². Нечто похожее мы видим в стихотворении Ершова «Русский штык», предположительно датированом тоже 1833 годом.

Таким образом, у Ершова обнаруживается гораздо больший «ли-берализм» в отношении к рифменной точности — если взять вообще рифменную практику «золотого века». Всего в его стихах «резко не-точных» рифм порядка тридцати — исключая 23 неточные рифмы в первом издании «Конька-Горбунка». Для зрелого же Пушкина такого

¹ *Ершов П.* Сибирский казак. Старинная быль // Библиотека для чтения. 1835. Т. 8, с. 7—18 (часть первая); т. 10, с. 11—22 (часть вторая).

² Любопытно, что относительная небольшая — примерно 80 строк — «Сце-на в лагере» до сих пор полностью ещё не опубликована. Автограф не сохранился; писарская копия находится в альманахе Майковых «Подснежник» в рукописном отделе Пушкинского Дома (№ 16493 / С V 6 22, л. 53—55); полным её текстом и архивными данными я обязан Т.П. Савченковой, которой всё это предоставила Д.М. Климова.

рода неточные рифмы — редкость необычайная. У него неточных рифм довольно много в первые лицейские годы: до 1816 года насчитывается около 60 таких рифм. А потом начинается явный отход от них, и в последующие двадцать с лишним лет в известных нам стихотворных текстах Пушкина мы не увидим такого количества «резко неточных» рифм, как у Ершова. Например, возьмём — по последнему прижизненному изданию — «Евгения Онегина»: он по объёму превосходит «Конька-Горбунка» более чем в два раза, а «резко неточных» рифм — только три: *плоды ~ мечты, любви ~ дни, молот ~ город*.

О неточных рифмах у раннего Пушкина писал В.Е. Холшевников, отмечая влияние Державина:

«Наряду с точными Державин первым стал свободно применять неточные рифмы, в которых гласные совпадают, но более или менее сильно различаются заударные согласные (*царевна — несравнённа, разгулье — правосудье* и т. п.). Несомненно под его влиянием в первом периоде лицейского творчества Пушкин свободно пользуется неточными рифмами (*Назорой — взором, вспомнил — молвил* и т. п.). <...> Неточные рифмы Пушкина созданы именно по образцу Державинских: совпадение заударных гласных звуков и различие в согласных. Отличие от Державина в том, что Пушкин в первом периоде пользуется также приблизительными рифмами, в которых тождественны заударные согласные, но не совпадают гласные (*иконой — поклоны* и т. п.).

Приблизительные рифмы у Державина действительно очень редки. <...> С 1816 года происходит резкий перелом: неточные рифмы исчезают у Пушкина почти полностью, приблизительные становятся редкими»¹.

Если вернуться к «рифменной стихии» в «Коньке-горбунке» 1834 года, в нём так же, как у раннего Пушкина, виден «Державинский след»; ср. у А.И. Кушнира: «...в «Коньке-Горбунке» на рифменном, строфическом и фабульном уровне обнаруживается перекличка со стихотворной традицией XVIII века, в частности, с творчеством Г.Р. Державина»².

По данным А.И. Кушнира, сказки Пушкина существенно отличаются от «Конька-Горбунка» также в отношении богатства рифмовки: у Пушкина доля богатых рифм в «Сказке о царе Салтане» составляет

¹ Холшевников В.Е. Стихосложение Пушкина-лицейца // Пушкин А.С. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 1. СПб., 1999. С. 446–448.

² Кушнир А.И. Стих П.П. Ершова. С. 10.

29%, в «Сказке о мёртвой царевне» — 35%, а в «Коньке-Горбунке» богатых рифм лишь 21,5%¹. Есть различия и в ритмике между сказками Пушкина и «Коньком», хотя они и не столь выразительны, как расхождения в рифмовке. По данным Кушнира, разность между процентом ударности сильной второй стопы и слабой первой у Пушкина составляет 42%, а у Ершова — более 48%².

К указанным выше характеристикам текстов следует присоединить то обстоятельство, что «Конёк-Горбунок» существенно отличается от текстов Пушкина по составу лексики. По данным Л.А. Островской, «...из 2440 слов его сказки более 2000 (2044, т. е. 5/6) употреблялись А.С. Пушкиным, зарегистрированы в его словаре. И лишь менее 400 слов (396, т. е. 1/6, или 16,5 проц.) сказки «Конёк-Горбунок» не оказались в словаре великого поэта»³. Однако Островская осуществляла подсчёты по позднейшей редакции сказки; для чистоты же наших выводов аналогичные подсчёты следует провести с привлечением исключительно текста из издания 1834 года.

Что касается течения поэтического повествования, в «Коньке-Горбунке» оно отличается неровностью — в сопоставлении со сказками Пушкина. В самом деле, наряду с пассажами замечательными или вполне добротными и «ловкими» (по выражению О.И. Сенковского, отметившего в предуведомлении к первой публикации «лёгкость и ловкость стиха» юного автора), в сказке обнаруживаются очень неудачные и слабые места — в фоническом, стилистическом или содержательном отношении. Аттестация некоторыми коллегами сказки «Конёк-Горбунок» как «гениальной», как превосходящей сказки Пушкина мне представляется совершенно неадекватным преувеличением. Выражаясь образно, поэтическая речь в трёх хореических сказках Пушкина «словно реченька журчит», а в «Коньке» — такое мерное журчание прерывается иногда каким-то неприятным «скрежетом».

¹ *Кушнир А.И.* Рифма «Сказки о царе Салтане» А.С. Пушкина и «Конька-горбунка» П.П. Ершова: сравнительная характеристика // Ершовский сборник. Вып. 2. С. 42.

² *Кушнир А.И.* Ритмика «Конька-горбунка» П.П. Ершова в контексте русской стиховой культуры XVIII—XIX веков // Ершовский сборник. Вып. 1. Ишим; Тобольск, 2004. С. 66.

³ *Островская Л.А.* Язык и стиль русской литературной сказки (лингвистический анализ сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок»). Автореф. дисс. на соиск. учён. ст. канд. филол. наук. Ташкент, 1984. С. 6—7.

Вниманию читателей предлагаются примеры неудачных фрагментов в первом издании сказки, вышедшем в 1834 году, и их коррекции в четвёртом издании — 1856 года¹ (в таблице в квадратных скобках указаны номера страниц соответствующего издания; курсивом даны мои комментарии).

	Первое издание, 1834 год	Четвёртое издание, 1856 год
1	Дождь вотъ такъ ливмя и лиль; / Подъ дождемъ я все ходилъ; / Правда, было мнѣ и скучно... [7—8] <i>Уступительное «правда» неуместно: между предшествующим и последующим контекстом «расхождения» нет.</i>	<...> Рубашенку всю смочилъ. / Ужь куда какъ было скучно!.. [8]
2	А дуракъ нашъ, не снимая / Ни лаптей, ни маляхая, / Отправляется на печь, / И ведеть оттуда рѣчь / Про ночное похождение, / Старику на удивленье. [14—15] <i>Ивана слушал не только старик отец, но и братья.</i>	Всѣмъ ушамъ на удивленье. [15]
3	Братя разомъ согласились, / Обнялись, перекрестились, / И вернулись домой, / Говоря промежъ собой / Про коней, и про пирушку, / И про чудную свиньюшку. [18—19] <i>Конёк-Горбунок почему-то уничижительно охарактеризован как «свиньюшка».</i>	И про чудную звѣрушку. [20]
4	Взяли двухъ коней тайкомъ / И отправились потомъ; / Удалаго погоняють, / Да о деньгахъ разсуждають. [19] <i>Про «удалого» коня ничего ранее не говорилось, он возникает неожиданно и немотивированно.</i>	Взяли двухъ коней тайкомъ / И отправились тишкомъ. [21] <i>Как видно, в четвёртом издании последние две строки первого сняты.</i>
5	Все по прежнему стояло, / Двухъ коней какъ не бывало, / Лишь бѣдняжка Горбунокъ / У его вертѣлся ногъ [20] <i>Горбунок почему-то охарактеризован как «бѣдняжка».</i>	Лишь игрушка-Горбунокъ [22]

¹ Конёк-Горбунок. Русская сказка в трёх частях. Сочинение Петра Ершова. Издание четвёртое, вновь исправленное и дополненное. Санктпетербург, 1856.

6	Огонекъ горить свѣтлѣе, / Горбунокъ бѣжить скорѣе, / И чрезъ нѣсколько минутъ / При огнѣ конекъ – какъ тутъ. [25—26] <i>Последняя строка представляется дефектной как в фоническом, так и в содержательном отношении.</i>	Вотъ ужъ онъ передъ огнемъ. / Свѣтитъ поле, словно днемъ; <...> [28]
7	Весь отрядъ тутъ усмѣхнулся, / Самъ глашатель заикнулся. [30] <i>Заикание глашатая не мотивировано</i>	Весь отрядъ тутъ поклонился, / Мудрой рѣчи подивился. [33]
8	Два же брата между тѣмъ / Деньги царски получили, / Въ шапку накрѣпко зашили, / И отправили гонца, / Чтобъ обрадовать отца. [35] <i>Отправлять гонца не было нужды: братья сами вскоре отправились домой.</i>	Постучали ендовой, / И отправились домой. [39]
9	Нашъ Иванъ въ конюшну входитъ, / Безъ свѣчи, безъ фонаря, / Разпѣвая про царя. [45] <i>«Распевание про царя» — при этом наедине с самим собой — выглядит очень странно — при иронично-критическом отношении к нему Ивана.</i>	<i>Этот фрагмент [на с. 45—46] существенно изменён, при этом «распевание про царя» исчезло.</i>
10	Царь прищурясь глазомъ лѣвымъ, / Закричалъ къ нему со гнѣвомъ: <...> [50] <i>«Какое-то странное управление — «закричать к кому»; см. также в п. 20.</i>	
11	Паль Иванъ къ коньку на шею, / Обнималъ и цѣловалъ. [56, 66] <i>Конёк — «ростом ровно в три вершка», то есть очень низкого роста; если «пасть к нему на шею», его можно и раздавить.</i>	
12	«— Вотъ теперя ты узналъ, / Для чего я запрещалъ». [54] <i>Небрежный эллипсис: что конёк запрещал Ивану?</i>	
13	Нашъ Иванъ, отъ нихъ закрытой, / Смотритъ птицъ изъ подъ корыта / И толкуеть самъ съ собой, / Разводя своей рукой: <...> [58] <i>От удивления разводят в сторону обе руки, а не одну.</i>	

14	Туть Иванъ съ конька слѣзаетъ; / А конекъ ему вѣщаетъ: / «Ну, раскидывай шатерь, На ширинку ставь приборъ / Изъ заморскаго варенья...» [69—70] <i>«Торжественный» глагол «вѣщать» здесь неуместен; то же в п. 21.</i>	
15	«Мѣсяць мать мнѣ, солнце — братъ». [78] <i>Месяцу (муж. род) подобает быть скорее отцом; к тому же в другом месте он имену- ется «Мѣсяць Мѣсяцовичъ».</i>	
16	А вѣдь теремъ съ теремами, / Будто городъ съ деревнями... [90] <i>Множественное число здесь неуместно: ра- нее упоминался только один терем.</i>	
17	Поклонившись, как умѣль, / На конька Иванъ туть сѣлъ, / Свиснулъ, будто витязь знатной, / И пустился въ путь обратной. // На другой день нашъ Иванъ / Вновь пришелъ на Окянъ. [94] <i>Иван на океан не пришёл, а приехал на Коньке- Горбунке.</i>	
18	«Что, Отець мой? въ небѣ былъ ли? / Мнѣ прощенье испросилъ ли?» [95] <i>Неблагозвучное, режущее слух двукратное сочетание двух звуков [л].</i>	
19	«Отыскать его въ минуту, / И послать въ мою каюту!» / Кить во гнѣвѣ закричалъ / И усами закачалъ. [100] <i>Какую каяту имеет в виду кит?</i>	
20	Появился чудо-китъ / И къ Ивану говорить: <...> [107] <i>Странное управление — «говорить к кому»; см. также в п. 10.</i>	
21	Охъ, бѣда мнѣ, горбунокъ! / (Нашъ Иванъ ему вѣщаетъ) <...> [116] <i>Ср. п. 14.</i>	

Такого рода неудачных мест — с моей точки зрения — в редакции 1834 года около сотни; здесь представлена лишь пятая часть. Возможно, не все согласятся с тем, что в каждом из представленных примеров име-

ет место действительная неудача; одна из очень уважаемых мною коллег, посвятившая много времени и сил исследованию жизни и творчества Ершова и плодотворно работающая на этой ниве, даже обиделась на меня за Ершова — за то, что я так сурово аггестую его сказку. Всё-таки я смею надеяться, что во многом большинство читателей со мною согласятся. Во всяком случае, представленный материал неудач в издании 1834 года не вызвал ни одного возражения со стороны филологической аудитории при обсуждении моих докладов о «Коньке-Горбунке», прочтённых весной 2013 года (о них ниже). Замечу при этом, что для столь юного возраста подобного рода неровность поэтического повествования вполне извинительна и оправданна (можно лишь изумляться тому, какие удивительные красоты — наряду с неудачами — открываются нам в «Коньке» 1834 года). А вот для Пушкина — особенно в пору его полного творческого расцвета — подобного рода «срывы» стиха совершенно не характерны.

При жизни автора сказка выдержала семь изданий — между 1834 и 1868 годами; из них ключевыми следует считать первое, четвёртое — 1856 года и пятое — 1861-го. Между первым и четвёртым изданиями обнаруживается около тысячи расхождений, из которых примерно триста представляют собой более или менее существенные коррективы текста (остальное — отличия пунктуационного или «опечаточного» рода). Некоторое количество коррекций — около пятидесяти — Ершов внёс и в пятое издание, вышедшее спустя пять лет после четвёртого. Отмечу, что нередко встречающиеся в ершововедении утверждения о тождественности текста первого и второго издания (второе — М., 1840 — через шесть лет после первого), строго говоря, реальности не соответствуют: во втором издании имеется весьма много значимых пунктуационных изменений. При этом второе издание — в отличие от третьего (М., 1843) — осуществлялось с ведома Ершова, и я бы не стал исключать возможность, так сказать, «дистантного» участия автора в его подготовке: Ершов мог из Тобольска в Москву послать — или даже посылать — те или иные указания по коррекции текста. А если брать в расчёт значимую пунктуацию и отдельные орфограммы, нельзя говорить и о полной тождественности пятого и последних двух прижизненных изданий — 1865 и 1868 годов.

В течение 160 лет после первого появления в печати сомнений в авторстве этой сказки никто не выражал; в середине же 1990-х

годов пушкинист А.А. Лацис выдвинул версию пушкинского авторства сказки¹, и эта версия была поддержана литературоведами В.Г. Перельмутером² и В.А. Козаровецким³, а затем — в работе лингвистов Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных⁴.

В связи с дискутируемым вопросом об авторстве сказки из всех изданий для нас наиболее важно первое, 1834 года — единственное вышедшее в свет при жизни Пушкина.

Высокий поэтический уровень и зрелость произведения 19-летнего автора, столь поразившие российскую читающую аудиторию в 1834 году, делают этот феномен едва ли не уникальным в русской литературе. Действительно, в ней, как кажется, нет другого произведения, написанного в столь юном возрасте и при этом не имеющего себе равных в последующем творчестве автора. (Если обратиться к зарубежной литературе, мне известен только один аналог, а именно — Артюр Рембо во французской литературе.) Возможно, загадка этого юношеского взлёта навсегда останется неразгаданной — если только не обнаружатся какие-либо новые источники сведений о создании сказки, на что рассчитывать, увы, оснований мало.

Лично для меня, для ряда коллег, с которыми мне довелось обсуждать текст сказки, надеюсь, и для немалой части читателей настоящей статьи приведённые примеры неудач в первой редакции (вместе с другими неудачными местами), подкреплённые представленной выше «резкой неточностью» рифмовки, а также отчётливо сказовым и просторечным стилем повествования, — все эти факты авторство Пушкина полностью исключают. Однако не так обстоит дело для других, и в последние годы неоднократно звучали призывы вернуть Пушкину то, что ему якобы принадлежит.

Я не буду подробно полемизировать с работами А.А. Лациса, В.Г. Перельмутера и В.А. Козаровецкого — с их активным отстаивани-

¹ *Лацис А.А.* Верните лошадь! // Ершов П.П. Конёк-Горбунок: Русская сказка в трёх частях. М.: Совпадение; Сампо, 1997. С. 197—225.

² *Перельмутер В.Г.* В поисках автора // Александр Пушкин (?). Конёк-Горбунок: Русская сказка в трёх частях. М.: SAM&SAM; РИК Русанова, 1998. С. 27—54.

³ *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложь, да в ней намёк // Александр Пушкин. Конёк-горбунок: Русская сказка / Вступительная статья и подготовка текста Владимира Козаровецкого. М.: ИД КАЗАРОВ, 2011. С. 3—128.

⁴ *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык — свидетель беспристрастный: Проблема авторства сказки «Конёк-горбунок» // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2012. Т. 71. № 5. С. 23—45.

ем пушкинского авторства «Конька». Можно поразиться тем мотивам, которые упомянутые авторы при этом приписывают Пушкину: желание скрыть высокий гонорар от жены и желание преодолеть цензурные препоны. Первый — скрывание гонорара — вызывает в памяти рассказы Зоценко и анекдоты Хармса (скажем, про то, как Пушкин не умел сидеть на стуле или как он спотыкался «об Гоголя»); второй — цензурный мотив — стоит сопоставить с прижизненной историей «Сказки о Золотом петушке», написанной осенью 1834 года, благополучно прошедшей цензуру и вышедшей в 1835-м, — а в этой последней сказке царь предстаёт едва ли не в более несимпатичном облике, чем в «Горбунке». Для В.А. Козаровецкого сомнений в пушкинском авторстве нет никаких, и он уже дважды (в 2009 и 2011 году) выпустил «Конька» под именем Пушкина и с зачёркнутой фамилией Ершова на обложке.

Несокрушимая уверенность Лациса и Козаровецкого в своей правоте, придание ими сугубо научного статуса своей аргументации, отчётливо выражаемая неприязнь и неуважение к «академической» филологии прямо-таки пропитывают страницы их работ; Козаровецкий предлагает подвергнуть её «открытому суду общественности» — с обсуждением проблемы «на телевидении в открытом эфире»¹. Однако должен сказать прямо: работы сторонников пушкинского авторства носят не научный, а чисто публицистический характер. Это проявляется на поверхности: точные ссылки на источники отсутствуют, библиографического аппарата нет, встречаются поразительные неточности в изложении фактов и цитировании; тем обстоятельствам, которые благоприятствуют их концепции, придаётся неоправданно большой вес, те же, которые ей противоречат, обходятся молчанием. А.А. Лацис в важной цитате из статьи Белинского (на которую точная ссылка отсутствует — говорится просто об «одной из статей 1835 года») делает с помощью многоточия купюру, придающую этой цитате благоприятный для рассуждений автора смысл². В.Г. Перельмутер уверенно утверждает по поводу пушкинской «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях»: «Это сочинение закончено в ноябре 1833 года, не опубликовано»³ — тогда как сказка Пушкина вышла в свет в 1834 году, за три месяца до первой публикации «Конька». В.А. Козаровецкий дважды

¹ См.: *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложка, да в ней намёк. С. 128; *Козаровецкий В.А.* Тайна Пушкина. «Диплом роконосца» и другие мистификации. М., 2012. С. 332.

² *Лацис А.А.* Верните лошадь! С. 200.

³ *Перельмутер В.Г.* В поисках автора. С. 46.

ошибается в указании даты рождения Ершова: вместо 22 февраля 1815 года в двух публикациях дано 15 февраля¹. Нет смысла предпринимать сейчас подробную демонстрацию произвольности и неточностей в текстах упомянутых сторонников пушкинского авторства.

Детальный аналитический критический разбор их версии, показывая изъяны в их аргументации были самым убедительным образом даны в статье Т.П. Савченковой², составившей затем отдельную главу в её книге³. Эта превосходная книга посвящена новым архивным находкам и разысканиям в области ершоведения. Я полностью присоединяюсь к той характеристике, которую Т.П. Савченкова дала упомянутым выше работам сторонников пушкинского авторства: «Конёк-горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения». Повторяю: я бы аттестовал эти работы как относящиеся не к науке, а к публицистике. Убедительна также аргументация против сторонников пушкинского авторства Лациса и Перельмутера в статье Д.М. Климовой, в которой исследовательница характеризует стиль их сочинений так: «что ни слово, то путаница»⁴.

Далее я обращусь к научной работе — к статье Л.Л. и Р.Ф. Касаткиных⁵, в которой авторы стремятся обосновать пушкинское авторство «Конька-Горбунка» сугубо со стороны лингвистических данных. Приводится довольно большое число таких диалектных явлений, которые, во-первых, присутствуют в первом издании сказки, во-вторых, в тех или иных местах подверглись коррекции Ершова и исчезли в четвёртом (иногда, впрочем, не во всех местах, а только в некоторых) и в третьих — не были свойственны языковому окружению Ершова в его детские и юношеские годы. На основе последнего обстоятельства делается утверждение, что такого рода диалектные явления были Ершову неизвестны или чужды, что поэтому он и не был автором первого издания и что именно поэтому он от многих из них отказался в четвёртом, вышедшем спустя 22 года. Я воспринимаю такое утверждение как опирающееся на некоторый тезис, который можно было бы назвать, скажем, так: тезис о

¹ *Козаровецкий В.А.* Сказка — ложь, да в ней намёк. С. 10; *Козаровецкий В.А.* Тайна Пушкина... С. 283.

² *Савченкова Т.П.* «Конёк-горбунок» в зеркале «сенсационного литературоведения» // Литературная учёба. 2010. № 1.

³ *Савченкова Т.П.* Пётр Павлович Ершов (1815—1869): Архивные находки и библиографические разыскания : моногр. Ишим, 2011.

⁴ *Климова Д.М.* Пушкинские ли строки в «Коньке-Горбунке»? // Ершовский сборник. Вып. 5. Ишим, 2008. С. 3—12.

⁵ *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык — свидетель беспристрастный...

языковой прикреплённости носителя языка. Вот как можно его сформулировать: носитель языка не может в своей письменной деятельности использовать диалектные явления, не свойственные языковому окружению его детства и юности. Тезис этот в обсуждаемой статье явно не формулируется, однако я полагаю, что из самого хода рассуждений он в ней выявляется.

Этот тезис представляется ошибочным. Примеры, его опровергающие, найти нетрудно. Литератор не только может усвоить диалектные особенности, отсутствовавшие в языковом окружении его детства и юности, — в зрелом возрасте он может начать писать на неродном языке, выученном довольно поздно. Скажем, поэт и драматург Егор Фёдорович Розен (1800—1860) до 19 лет жил в Эстляндской губернии, по его собственному признанию, выучился русскому языку по поступлении в гусарский полк, а впоследствии писал по-русски. Что касается диалектизмов, Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) многие свои тексты насыщал диалектизмами, чуждыми его детству и юности. Ершов же оказался в Петербурге в 15-летнем возрасте — и до первого появления в печати «Конька-Горбунка» жил в этом городе более трёх с половиной лет, учась в университете. Жил он в отнюдь не аристократической части города — на Песках, общался с извозчиками, ямщиками, пришлыми людьми, слышал речь городского люда — и что же, разве не мог пытливый юноша усвоить многое из того, чего не слышал в детские и отроческие годы в Сибири? Ещё следует принять во внимание, что изначально диалектные феномены нередко проникают и в литературный язык, что представители аристократии прибегали к просторечию и диалектизмам (можно вспомнить старую графиню из «Пиковой дамы»). Если же строго придерживаться тезиса о языковой прикреплённости носителя языка, тогда и Пушкину нужно отказать в знании псковских диалектизмов: ведь впервые в сознательном возрасте он попал в Псковскую губернию в 18 лет по окончании Царскосельского лицея. Кстати, при неукоснительном следовании этому тезису авторство Пушкина следует исключить в силу незнакомства поэта с немногочисленными «сибиризмами», отмеченными в тексте первого издания сказки: *шайтань*, *баяракъ*, *работать* (с ударением на последнем слоге) и другими¹.

Наконец, те или иные диалектные черты, в знании которых наши коллеги отказывают молодому Ершову, встречаются на страницах ли-

¹ Черных П.Я. Несколько сибирских диалектизмов в «Коньке Горбунке» П.П. Ершова // Сибирская живая старина. Вып. II. Иркутск, 1924. С. 91, 96, 97.

тературных произведений, вышедших в свет до появления «Конька-Горбунка», в частности — в произведениях Пушкина. Известно, что Ершов был ярым книголюб; есть свидетельство его университетского товарища, что после лекций Ершов уходил домой к своим любимым книгам. Один из мемуаристов встречал Ершова со связкой книг под мышкой; Ершов часто посещал в Петербурге книжную лавку Смирдина¹.

Обратимся к примерам из материала обсуждаемой статьи.

• В одном из пунктов² рассматривается ударение у некоторых существительных женского рода (*изба, река, спина, коса*, другие) и говорится, что ударение на окончании в форме винительного падежа единственного числа *избу́, реку́, спину́, косу́* псковским говорам свойственно, а тюменским — нет, и, таким образом, оно Ершову было чуждо; и вот именно поэтому фрагменты первого издания с такими формами он изменил так, чтобы избавиться от якобы чуждых ему акцентовок. Вот пример такого рода коррекции. В 1-м издании: «Дай-ка я подкараулю, / И подь нось такую дулю / Поднесу я дураку, / Что хоть тутъ же и въ рѣку»; в 4-м издании: «А нешто, такъ я и пулю, / Не смигнуъ, умѣю слить; / Лишь бы дурня уходитъ».

Здесь в первом издании мы видим форму *рѣку́*, а в соответствующем месте четвертого её там нет. Говорится, что Ершов не мог написать словоформу *рѣку́* с ударением на окончании. Однако в опубликованной на следующий год после «Конька-Горбунка» уже упоминавшейся балладе «Сибирский казак» (в двух номерах журнала «Библиотека для чтения») мы встречаем именно такое ударение: «Вотъ гора. На лету / Онъ

¹ Литератор Юрий Арнольд вспоминал в своих мемуарах случайную встречу с Ершовым в петербургской кондитерской: «...помню я, что очень поразила меня высокая и плечистая фигура вошедшаго блондина однихъ почти лѣтъ со мною, который несъ подь мышкою цѣлую кипу книгъ. <...> Встрѣтилъ я затѣмъ черезъ нѣсколько дней опять своего незнакомца въ музыкальномъ магазинѣ Карла Пеца, гдѣ онъ покупалъ ноты, какія-то пьески для флейты, сочинения Тюлу и Зусмана. <...> Недѣлю спустя понадобилась мнѣ какая-то книга, и я отправилась въ книжный магазинъ Смирдина. Перваго <sic!>, кого мой взоръ встрѣтилъ, это мой незнакомецъ, который разговаривалъ съ самимъ Смирдинымъ. Вскорѣ молодой человекъ отошелъ и сталъ разсматривать книги, выложенныя на огромномъ столѣ, стоящемъ посреди магазина. Тутъ-то я узналъ отъ прикащика, что это Ершовъ» (*Арнольд Ю.* Воспоминания Юрия Арнольда. Вып. II. М., 1892. С. 113).

² *Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф.* Язык — свидетель беспристрастный... С. 29—31.

сравняль высоту / И несется широкой долиной. / Воть рѣка. Чрезь рѣку! / На могучемъ скаку / Онъ сплотилъ берега надъ пучиной»¹.

Сказка вышла в 1834-м, баллада была написана тоже в 1834-м, и в ней Ершов именно так и написал, именно с таким ударением — на окончании, а не на основе!

• Обсуждается избавление Ершовым в четвёртом издании от фрагмента первого «обшедь избу кругомъ», и говорится по этому поводу следующее: «...приведена форма *обшед*, которая, наряду с подобными формами приставочных глаголов от глагола *идти* — *пришед*, *ушед* и др., отмечается в небольшой части северо-западных говоров в Псковской, Новгородской и Ленинградской обл. <...> Эту форму не мог знать Ершов по тобольским говорам, но хорошо знал и употреблял Пушкин»².

В современном языке у нас есть две вариантные формы деепричастия от названных глаголов — форма на *-я* (например *войдя*) и форма на *-ши* (*вошедши*); первые стандартны и распространены, вторые маргинальны. В языке же пушкинского времени к этим двум формам деепричастия присоединялась третья, бессуфиксная — на *-шедь* (*вошедь*), причём в тогдашних литературных текстах эта форма, архаичная для современного языка, существенно преобладала, в чём легко можно убедиться, задав на сайте «Национального корпуса русского языка» (www.ruscorpora.ru) соответствующие поисковые запросы и при этом ограничив область поиска текстами до 1834 года — причём как в основном подкорпусе, так и в поэтическом. Надо сказать, что формам на *-шедь* — по отношению к формам на *-я* — явное предпочтение отдавал и Пушкин: количество первых у него превышает количество вторых в 17 раз! Так что с формами деепричастий на *-шедь* Ершов был хорошо знаком по тогдашним литературным текстам — и вполне мог их слышать в своём петербургском окружении. Замечу, что весной 1833 года в первом издании «Евгения Онегина» мы две такие формы встречаем — *ушедь* и *нашедь*, и они фигурируют уже в соответствующих местах отдельных изданий второй главы (в 1826-м и 1830-м) и третьей (в 1827-м). А уж о знакомстве Ершова с отдельными главами «Онегина» до выхода первого полного издания романа в стихах можно утверждать с полной уверенностью! Добавлю, что форма деепричастия *пришедши* есть в «Сибирском казаке», а для приставочных глаголов от *идти* форм деепричастий на *-я* у Ершова в известных нам текстах нет.

¹ Ершов П. Сибирский казак. Т. 10. С. 20.

² Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 31.

• Утверждается, что слово *армякъ* как название крестьянской мужской верхней одежды не было свойственно окружению детства и юности Ершова — там соответствующую одежду называли *азямь*. В статье говорится, что Ершов если и знал это слово, то в другом значении, «нерасторопный, неуклюжий человек»; вот потому-то, говорят авторы, он и заменил в четвёртом издании фрагменты с этим словом на другие, избавляясь от чуждого ему *армяка*¹. Однако слово *армякъ* в значении «одежда» представлено уже в «Словаре Академии Российской», в первом томе 1789 года (второе значение):

«АРМЯКЪ, ка. с. м. 1) Ткань изъ велблужей шерсти, на подобіе камлота сотканное: вѣроятно такъ названное отъ Арменіи, откуда оно съ начала привозили. Нынѣ у насъ ткуть оно въ Астраханѣ и Уралскѣ. 2) Изъ сказаннаго изтканія здѣланная верхняя одежда наподобіе халата. 3) Въ военномъ нарѣчій шерстяное рѣдкое и толстое тканье, употребляемое при Артиллеріи на картузы пушечные»².

По данным сайта «Национальный корпус русского языка», *армяк* именно в этом значении в русской литературе встречается и до «Конька-Горбунка» — в частности, в двух романах Булгарина («Иван Иванович Выжигин» и «Дмитрий Самозванец») и в двух романах Загоскина («Юрий Милославский» и «Рославлев»); они как раз выходили в свет в конце 1820-х — начале 1830-х годов, и ими зачитывались. Наконец, у самого Ершова мы находим это слово в прозаическом «драматическом анекдоте» — в пьесе «Суворов и станционный смотритель», написанной, скорее всего, в 1835 году (вышла в свет отдельной книгой в 1836-м):

«*Староста*. Ужь не бойся, Иванъ Ивановичъ. На всѣхъ новые армяки, такъ что твои сертуки; да вотъ и я приодѣлся какъ Соломонъ во славъ»³.

• Отмечается, что из следующего фрагмента 1-го издания: «Тутъ конекъ подъ нимъ забился, / И по берегу пустился; / Только видно <, > какъ песокъ, / Вьется вихоремъ у ногъ, / Будто сдѣлалась погодка...» (с. 87) — в 4-м издании Ершов снимает строку со словом *погодка*, и по этому поводу утверждается «неприемлемость для него значения

¹ Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 33—34.

² Словарь Академии Российской. Т. 1. СПб., 1789. Стб. 47.

³ Ершов П. Суворов и станционный смотритель. Драматический анекдот. СПб., 1836. С. 39. Отмечу ещё яркие просторечные пересечения между «Коньком-Горбунком» 1834 года и этой пьесой: глаголы *раздивиться* и *спрошать*, речение *тары-бары*.

этого слова в 1-м издании ‘ветренная погода’», которое имеется в псковских говорах; приведены два примера из текстов Пушкина, содержащих слово *погода* с данным значением¹. Во-первых, оба приведённых пушкинских фрагмента входят в тексты, опубликованные до выхода в свет «Конька-Горбунка» 1834 года; во-вторых, как свидетельствует сайт «Национального корпуса русского языка», в русской литературе и до этого имеются факты употребления слова *погодка* в соответствующем значении, а именно — у Державина в стихотворении «Аристиппова баня» (1811), у Загоскина в романе «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829), у Даля в «Сказке о похождениях чёрта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше...» (1832); в-третьих, слово *погода* в нужном значении мы встречаем уже во втором томе «Словаря Академии Российской» (1792):

«*Пого́да*, ды. с. ж. 1) Состояніе воздуха. *Тихая, приятная, весенняя, дурная погода.* 2) Вѣтръ. *Поднялась сильная погода*»².

Итак, версия пушкинского авторства «Конька-Горбунка» представляется ошибочной: ей резко противоречат данные как историко-литературного характера, так и лингвистического.

Я вовсе не претендую на разьяснение загадки этой сказки — она остаётся, — как мог юный автор создать столь значительное и яркое произведение? Почему в дальнейшем он не достиг подобных же высот? При этом у Ершова есть вполне добротные — хорошего уровня — стихотворные произведения, интересная проза, либретто опер, драматические опыты. Не верно, что после выхода «Конька-Горбунка» талант Ершова исчез полностью, как энергично настаивают наши оппоненты, — нет, у Ершова многое талантливо, правда, не так талантливо, как сказка «Конёк-Горбунок». Приходится признать, что в данном случае мы имеем едва ли не уникальное явление в русской литературе. Ближе всего к случаю Ершова случай Грибоедова. Неизвестно, написал бы Грибоедов что-либо равное «Горю от ума» или превосходящее это творение, если бы не погиб в Тегеране. Никто, однако, не высказывает сомнений в грибоедовском авторстве комедии только на том основании, что другие произведения Грибоедова не достигают тех же высот. Правда, Грибоедов создал свой шедевр в гораздо более зрелом возрасте, нежели Ершов «Конька-Горбунка»...

¹ Касаткин Л.Л., Касаткина Р.Ф. Язык — свидетель беспристрастный... С. 35.

² Словарь Академии Российской. Т. 2. СПб., 1792. Стб. 167—168.

Удивительным образом загадка «Конька-Горбунка» в течение многих десятилетий не привлекала достаточного внимания со стороны литературоведов, мемуаристов, писателей. Правда, уже в первой биографической книге о Ершове, вышедшей в 1872 году, мы читаем по этому поводу: «Въ жизни Ершова особенно поразительнымъ представляется, что онъ только выступилъ на поле литературное, выступилъ блистательно и — исчезъ. Подобное, правда, видимъ и въ Богдановичѣ, написавшемъ только поэму «Душенька», и въ Грибоѣдовѣ, создавшемъ только комедию «Горе отъ ума». Такія странности въ области творчества происходятъ, конечно, отъ степени энергіи дѣятелей и отъ силы обстоятельствъ, среди которыхъ вращалась ихъ жизнь. Вниканіе въ то и другое достойно труда: жаль, когда личность дѣятеля замѣчательнаго остается во мракѣ...»¹

В некоторых областях история человечества демонстрирует нам многочисленные примеры юношеских взлётов, которые в последующей жизни не были повторены: таковы, например, математика и шахматы. Не так обстоит дело в области художественного литературного творчества. В данной связи хотелось бы привести пронизательное эссе писателя Владимира Солоухина из его «Камешков на ладони»:

«В юности, в начале творческого пути, у поэта иногда вдруг получают такие перлы искусства, которые изумляют всех.

Потом он приобретает опыт, становится мастером, постигает законы композиции, архитектоники, гармонии и дисгармонии, обогащается целым арсеналом средств и профессиональных секретов.

И вот, вооружившись всем этим, он всю жизнь пытается сознательно достичь той же высоты, которая в юности далась ему как бы случайно»².

Заслуживает внимания предпринятая В.А. Кошелевым попытка объяснения «феномена Петра Ершова», относительно недавняя:

«Феномен знаменитой поэмы-сказки «Конёк-Горбунок» — в том, что она написана *ребёнком*. Не для детей и не *про* детей, а самим носителем детства. В своём первом творении Ершов видит мир глазами ребёнка... у Ершова просто не получилось «продолжать» найденный «образец» — просто он стал «большим».

Он просто *повзрослел* — и у него произошла обыкновенная «ломка голоса». Кроме того, он ощутил себя частью русской литературы, которой искренне захотел «соответствовать». И стал создавать, что создава-

¹ Ярославцов А.К. Пётр Павлович Ершов, автор сказки «Конёк-Горбунок». СПб., 1872. С. 5.

² Солоухин В.А. Камешки на ладони. М., 1982. С. 6.

лось: нечто «качественное» — и вполне «обычное». В своих попытках он, кажется, последовательно «перепробовал» все функциональные для 1830—1840-х годов литературные жанры — но вернуть изначальное детское приятие мира так и не смог»¹.

Попробую и я внести свой вклад в разъяснение этой загадки.

Из позднейших мемуарных свидетельств известно, что Пушкин подверг текст сказки тщательному пересмотру. Об этом в 1855 году писал П.В. Анненков в первой биографии Пушкина, опираясь на устное свидетельство А.Ф. Смирдина: «Въ апогеѣ своей славы, Пушкинъ съ живымъ одобреніемъ встрѣтилъ извѣстную Русскую сказку Г-на Ершова: «Конекъ-горбунокъ», теперь забытую. Первые четыре стиха этой сказки, по свидѣтельству Г-на Смирдина, принадлежать Пушкину, удостоившаго ее тщательнаго пересмотра»².

Заметим, что Ершов и Смирдин в то время здравствовали и могли бы опровергнуть это свидетельство, если бы оно оказалось неправдой. Сразу вслед за приведённой цитатой Анненков добавляет: «Такъ точно переводъ Фауста въ стихахъ, сдѣланный Г-номъ Губеромъ, нашель въ немъ восторженнаго цѣнителя — и нѣсколько часовъ утра въ продолженіи нѣсколькихъ дней посвящены были проверкѣ этого перевода, вмѣстѣ съ молодымъ его авторомъ».

Если проверке перевода, сделанного Э.И. Губером, Пушкин мог посвятить несколько утр своей жизни, то не вправе ли мы допустить, что более близкому для него по духу произведению он посвятил тоже изрядное время? Решусь выдвинуть предположение, что степень причастности Пушкина к «Коньку-Горбунку» была немалой: поэт мог и направлять юного автора при сочинении сказки, и обращать его внимание на те или иные диалектные или просторечные лексические пласты, и предлагать для тех или иных мест свои поправки и варианты. Не обязана ли сказка высоким поэтическим уровнем отчасти редактуре Пушкина? Я не вижу пока ничего невероятного в таком предположении — при этом вовсе на нём не настаиваю. Известно же письмо Пушкина Вяземскому (август 1825 года) — с подробным редактирующим разбором стихотворения Вяземского «Нарвский водопад», посланного в Михайловское. Пушкин в том письме предлагает своему адресату варианты для тех или иных строк — практически не пропускает ни одной строфы. В случае

¹ Кошелев В.А. Феномен Петра Ершова. С. 23—24.

² Анненков П.В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина : в 7 т. Т. I. СПб., 1855. С. 166.

же Ершова юный сибиряк — с «девственной» душой (как о нём писал его университетский друг Андрей Ярославцов¹), возможно, очень понравился «первенствующему поэту русскому», который мог и не пожалеть своего времени на редактуру текста Ершова. Если так и было, тогда становится понятным молчание Пушкина в печати по поводу «Конька-Горбунка» — в отличие, скажем, от его печатных откликов на «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя (1831) или на сборник стихов Виктора Теплякова (1836). Может быть, причастность Пушкина к сказке была столь значительна, что поэту было неловко хвалить произведение, в которое он вложил свои изрядные редакторские усилия.

Отмечу, что утверждения сторонников пушкинского авторства, что во всех случаях (или в большинстве) коррекций в четвёртом издании Ершов ухудшил текст первого, выглядят совершенно неубедительно: верно, что нередко текст после коррекции ухудшается, однако имеется довольно много мест с явным улучшением (некоторые примеры читатели уже видели выше в нашей таблице). Выразительные примеры улучшения текста от 1834 к 1856 году приводит И.П. Лупанова: «Четвёртое издание сказки обнаруживает более глубокое знание её автором специфики русской сказочной поэзии, её типических образов, законов её поэтики и ещё большее мастерство в творческом использовании приёмов русской сказки»². На работы И.П. Лупановой опирается Д.М. Климова: «Мнение, будто бы после доработки сказка значительно проиграла, убедительно опровергнуто в работах И.П. Лупановой. Действительно, многие сцены дополнены живыми подробностями, введены новые эпизоды, диалоги, авторские отступления, придающие рассказу сочный колорит. Кроме того, в текст внесены лексические варианты, небольшие по объёму, но существенные в смысловой и стилистической системе произведения, последовательно приближающие изложение к народно-разговорной речи, усиливающие впечатление разговорной образности»³. Ср. также у Л.А. Фроловой: «Анализ внесённых в текст произведения

¹ «...Это была сибирская дѣвственная натура, хранящая въ себѣ какія-то драгоцѣнности»; «чистая, дѣвственная душа Ершова» (*Ярославцов А.К. Пётр Павлович Ершов...* С. 11, 133).

² *Лупанова И.П.* О двух изданиях (первом и четвёртом) сказки П.П. Ершова «Конёк-Горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 5. Ишим, 2008. С. 149—160. Перв. публ. — в кн.: *Русский фольклор. Материалы и исследования.* Т. 3. М.; Л., 1958. С. 159—160.

³ *Климова Д.М.* Цензурная история сказки «Конёк-Горбунок» // *Российская словесность: эстетика, теория, история.* СПб.; Самара, 2007. С. 68

изменений позволяет утверждать, что благодаря им сказка стала интереснее, выразительнее, сложнее, богаче»¹.

Итак, в случае казуса, связанного со сказкой «Конёк-Горбунок», в последние двадцать лет мы наблюдаем парадоксальную ситуацию. Для объяснения одного удивительного и загадочного литературного феномена, а именно — высокопоэтического классического произведения юного автора, в дальнейшем не создавшего ничего близкого по уровню, — высказывается утверждение о пушкинском авторстве сказки. Из этого вытекают ещё более удивительные следствия, чем сам исходный феномен, — следствия прямо-таки невероятные, а именно: обращение автора к непривычным для него характеристикам стиха и повествования, не свойственным другим его сказочным текстам. К таким характеристикам следует отнести «резко неточную» рифмовку, меньшее богатство рифмовки, особый ритмический рисунок четырёхстопного хорея, отчётливо сказовый стиль повествования, большее насыщение текста просторечием и реалистическими бытовыми деталями, явно выделяемую фигуру сказочника-повествователя, меньший лиризм повествования. Кроме этого, невероятными для Пушкина представляются, во-первых, языковые и содержательные неудачи сказки и, во-вторых, предполагаемые мотивы передачи авторства другому лицу. Такого рода объяснение принято быть не может.

P.S. Настоящая работа — в разных версиях — была прочитана Н.Н. Перцовой, И.А. Пильщиковым, Т.П. Савченковой, Г.М. Седовой и И.С. Сидоровым, поправки, замечания и критика которых были для меня очень важны, и я постарался их учесть в последующей работе над статьёй. Весной 2013 года по теме статьи я прочитал два доклада — на заседании Пушкинской комиссии в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН (6 марта 2013 года) и на заседании Учёного совета Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (16 мая); обсуждения помогли мне выявить некоторые неясные пункты и усилить аргументацию. В обсуждении докладов участвовали Е.М. Верещагин, А.Г. Грек, Л.Л. Касаткин, В.Б. Крысько, А.М. Молдован, В.С. Листов, В.С. Непомнящий, В.Е. Орлов, И.З. Сураг, А.Я. Шайкевич. Очень существенными для меня были дружеское участие и советы Е.Ф. Суворовой.

Я прошу названных коллег, а также не названных здесь участников обсуждений принять мою искреннюю, сердечную признательность.

¹ Фролова Л.А. К вопросу о двух изданиях сказки П.П. Ершова «Конёк-горбунок» // Ершовский сборник. Вып. 2. С. 25.